

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09+929 [Лермонтов+Чернышевский]

ЛЕРМОНТОВ В БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

А.А. Демченко

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра русской литературы и методики ее преподавания
E-mail: adema4@yandex.ru

Рассматривается отношение Чернышевского к творчеству Лермонтова на протяжении всей его жизни. Внимание уделено эволюции от религиозно-нравственного контекста восприятия Чернышевским личности и произведений поэта в студенческие годы к возобладанию в его оценках политических мотивов.

Ключевые слова: Поэтическое творчество, критическая оценка, религиозно-нравственное восприятие, романтизм, реализм, политические пристрастия.

Lermontov in the Biography and Mind of Chernyshevsky

A.A. Demchenko

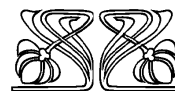
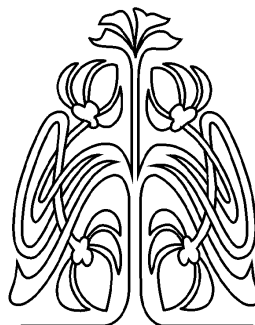
The article investigates Chernyshevsky's life-long attitude towards Lermontov. It traces the development of Chernyshevsky's perception of the poet's personality and works from the moral and religious context during the first's student years to the dominance of the political approach.

Key words: poetry, criticism, moral and religious perception, romanticism, realism, political predilection.

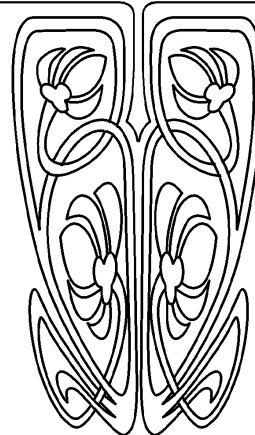
Последним по времени специальным обращением к названной теме была статья А.В. Карякиной¹. Ей непосредственно предшествовали работы М.И. Перпер², М.П. Николаева³, автора статьи и в «Лермонтовской энциклопедии»⁴. Косвенно тема затрагивалась во многих других публикациях, так или иначе посвященных Лермонтову. Тем не менее представляется полезным вновь обратиться к соответствующим материалам, определенным образом систематизируя и дополняя их.

Первое упоминание Чернышевского о Лермонтове, указывающее на самое раннее его знакомство с творчеством поэта, встречается в «Автобиографии», в той ее части, где речь идет о детском круге чтения. Отдельным абзацем, тем самым выделяя имя среди других, сказано: «Я знал чуть не все лирические пьесы Лермонтова» (I, с. 634)⁵. Можно предположить, что в руках юного «библиофага» («я сделался библиофагом, пожирателем книг, очень рано» – I, с. 632) было первое издание стихотворений Лермонтова⁶. В ту пору Чернышевский числился учеником Саратовского духовного училища (1836–1842), а затем стал семинаристом (1842–1846).

Память Чернышевского удержала знакомство в его детские годы с дальней родственницей, А.П. Архаровой, «благородной, почтенной женщиной», «умной и очень рассудительной», которой в «Автобиографии» уделено немало места (I, с. 622–623). По воспоминаниям двоюродной сестры Чернышевского Е.Н. Пыпиной, дочь землемера Александра Павловна Архарова, урожденная Морщикова, в трехлетнем возрасте после смерти матери осталась сиротой и была взята на воспитание саратовской помещицей, «какой-то княгиней», «у которой в имении, кроме молоденьких родственниц, было всегда еще две-три воспитанницы и к которой каждое лето приезжал родственник, Михаил Юрьевич Лермонтов», учившийся тогда «в корпусе». В эти приезды, по словам А.П. Архаровой, Лермонтов «ужасно донимал родных и чужих

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

девиц разными шутками и насмешками необыкновенными», «так что, как он приедет, так нам мучение одно: насмехается, шутит такими шутками, какие нас обижали». В доме княгини Александра Павловна получила хорошее образование и воспитание, она «журналы брала читать и читала не одни повести и рассказы» (I, с. 717–718).

Домашняя библиотека отца Чернышевского, протоиерея и градского благочинного, состояла в основном из книг религиозной направленности, но, по свидетельству младшего двоюродного брата Н.Г. Чернышевского Александра Пыпина, выросшего в той же среде, в дом «проникала новейшая литература. Гаврила Иванович, очень уважаемый в городе, имел довольно большой круг знакомства в местном богатом дворянском кругу, и отсюда он брал для сына (с детства жадно любившего чтение), новые книги <...>; у нас бывали свежие томы сочинений Пушкина, Жуковского, Гоголя, некоторые журналы...»⁷. Из журналов Чернышевским назывались, в частности, «Отечественные записки» (I, с. 634), в которых, как известно, в 1840–1841 печатались и стихотворения Лермонтова. В 1903 г. А.Н. Пыпин, выступая на заседании, посвященном 75-летию со дня рождения Чернышевского, вспоминал о его поэтических увлечениях: «Он был уже богат сведениями, которые сохраняла его редкая память; в поэзии он носился с Шиллером, Жуковским и Пушкиным. Его увлекали поэтические картины <...>»⁸. Пыпин не называет Лермонтова лишь случайно, и к его сообщению служат исправляющим комментарием приведенные выше признания самого Чернышевского. Чтение семинариста выходило далеко за пределы знаний тогдашних бурсаков. «В сороковых годах, – свидетельствовал современник, проходивший семинарскую науку хотя и не в Саратове, но в одно время с Чернышевским, – в Б-скую бурсу не проникли еще ни Лермонтов, ни Гоголь. Даже Пушкин многим был известен только понаслышке». О Белинском ученик семинарии «и не слышал, а “Отечественных записок” и в руках не держал»⁹.

Упоение Лермонтовым продолжалось в студенческие годы. Источником здесь служат письма и дневник, который Чернышевский, студент отделения общей словесности философского факультета Петербургского университета, начал вести 12 июля 1848 года, в день своего двадцатилетия. Так, имя Лермонтова появляется в одном из писем за февраль 1847 года. «Посылаю тебе, – сообщал он в Саратов двоюродной сестре – Л.Н. Котляревской, – два листочка из Лермонтова. Теперь почти все порядочное у него переслал я тебе, кроме “Песни про Калашникова”...» (XIV, с. 114). А в дневнике поэт упомянут уже на пятый день после начала записей. К словам о Надежде Егоровне, жене Василия Петровича Лободовского, сокурсника и друга Чернышевского, которая «читает Лермонтова (стихи, что я замечал и раньше)», прибавлено с удовлетворением – «хорошо»

(I, с. 47). И, напротив, с досадой отметил, что Л.Н. Котляревская (после замужества Терсинская), прежде увлекавшаяся поэзией Лермонтова и теперь просившая принести ей «Героя нашего времени» (можно думать, по совету Чернышевского, проживавшего в Петербурге с Терсинскими на одной квартире), «не тотчас бросилась на Лермонтова», а принялась, «как это обыкновенно делается», перебирать картинки в журнале «Иллюстрация». Принесши роман, за чтение (скорее, перечитывание) Чернышевский взялся сам (I, с. 55). К тому времени «Герой нашего времени» отдельным изданием выходил в 1840 и 1841 годах. Печатавшиеся в «Отечественных записках» за 1839–1840 годы главы «Бэла», «Фаталист» и «Тамань» он мог прочесть еще в Саратове. Своими впечатлениями он, вероятно, делился с Терсинскими. Слова мужа Л.Н. Котляревской, позволившего себе назвать писателей, и вообще великих людей «фиглярами» («великий писатель – великий фигляр»), вызвали возмущение. Скорее всего, «фигляром» был назван Печорин, и эта характеристика была перенесена на автора романа. Разговор с И.Г. Терсинским на эту тему возник 27 июля 1948 года и сразу был включен студентом в высокий религиозный контекст. «...У меня, – читаем в дневнике, – задрожала левая часть верхней губы, когда я сказал, что чтобы увидеть, что его суждение справедливо, стоит только взять его вообще и приложить к Спасителю – он будет фигляр тоже и других высших побуждений тоже у него не будет, – конечно, я выразил это осторожно, – а Пилат и Каифа были правители, следовательно, по-вашему, люди хорошие и достойные уважения» (I, с. 57). На следующий день, продолжая ревностно рассуждать на дорожку для него тему, он записал: «...Это больно, как богохульство, осквернение того, что есть возвышенного в жизни и деятельности человека», «они наши спасители, эти писатели, как Лермонтов и Гоголь, а мы называем их фиглярами – жалкая, оскорбительная неблагодарность, близорукость, пошлость» (I, с. 58). В ту пору Чернышевский был предан религиозным верованиям, и сближение облика Спасителя с именами Лермонтова и Гоголя возникает не случайно, сохраняя библейский контекст и предохраняя от «богохульства». Характерно также, что из всех упоминаемых в рассматриваемое время имен «великих людей» (Гёте, Байрон, Диккенс, Пушкин) Чернышевский избирает, как видим, только два имени и ставит Лермонтова рядом с Гоголем, автором исполненных религиозного служения «Выбранных мест из переписки с друзьями». Он воспринял их в качестве образца «благородного самопризнания», «исповеди», «в которой, – как было написано родным в Саратов в 1847 году, – признается, что не помешан еще человек, если доступно его сердце чувству смирения, хотя он вместе чувствует и достоинство свое, и если он не стыдится высказать свое сердце и думает найти людей, понимающих его» (XIV,

с. 106). А в дневнике записал 24 июля 1848 года о разговоре с В.П. Лободовским: «...На дороге я говорил о гоголевой “Переписке”, что все ругают “я первый”, что это не доказывает тщеславия, мелочности и пр., а напротив только смелость, что первый высказал то, что думает каждый в глубине души» (I, с. 54). Роман Лермонтова, за чтение которого Чернышевский принялся в конце июля 1848 года, ни в чем не нарушал установившегося у него в ту пору строя мыслей и настроений, но в то же время приобретал, подобно вообще повестям и романам, как выразился он чуть позже, важность «для знания и суждения людей» (I, с. 60).

Чтение так увлекло его и так затронуло, что он начал переписывать роман в отдельную тетрадь, хотя печатный текст всегда был под рукой. Переписывать начал с главы «Княжна Мери» (I, с. 57, 58), и когда нечаянно посадил на книге чернильное пятно, старательно вывел его добытой в аптеке шавельной солью (I, с. 59). 29 июля он прочитал всю первую часть романа, всю «Тамань» и записал впечатление, сравнивая его с прежним чтением, вероятнее всего, саратовского времени: «...Более, чем раньше, понравилась, но новая чрезвычайно лучше; блеснула мысль о зависти к Печорину, который видел и испытал любовь столько раз, что теперь даже довольно привык к этому, чувство неудовольствия, что не был еще в делах жизни и борьбе ее, поэтому дитя» (I, с. 59). В тот же день он «прочитал половину “Бэлы”». Показалось, что там есть в речах, которые приписываются Азамату и Казбичу, риторика, которой решительно не должно быть и которая не идет к Максиму Максимовичу, который их пересказывает, однако, лучше должно знать горцев. Это пышное высказывание чувств мне кажется приторным и неверностью; описания Бэлы (кажется) и лошади Казбича не совершенно чисты от этого. Но все же мне понравилось более, чем раньше. Другое дело “Мери”! Это удивительно! Теперь буду списывать снова “Мери”» (I, с. 59). Краткое критическое высказывание, возможно, было навеяно мнением В.П. Лободовского, с которым Чернышевский тогда считался, но не исключало и самостоятельных наблюдений. Чтобы избежать возможных удивленных расспросов о переписывании романа, он, находясь в одной комнате с Терсинским, искусно прикрывал томик Лермонтова изданием летописи Нестора, из которой по заданию профессора И.И. Срезневского делал выписки для составления толкового словаря: «Не знаю, заметил ли, что я взглядываю не в Нестора» (I, с. 61). В начале августа, продолжая переписывать, «как будто пишу Нестора», он отметил: «Печорин действительно человек, в котором много дурного, серьезно, например, слова его Вере: “что ж, ты любишь мужа? он молод? хорош? Особенно верно богат и ты боишься?” Его сердце в самом деле в некоторых отношениях очерствело» (I, с. 63). Неточно цитируется, как бы пересказывается, следующее место из романа: «Может быть,

ты любишь своего второго мужа?.. <...> Или он очень ревнив? <...> Что ж? Он молод, хорош, особенно, верно, богат, и ты боишься...»¹⁰. Слова «в самом деле» позволяют предположить влияние В.П. Лободовского или, может быть, Белинского, отмечавшего в Печорине «много ложного», «искажение в ощущениях»¹¹. 2 августа Чернышевский закончил переписку «Мери» и потом, как зафиксировано в дневнике, «читал “Героя нашего времени” – удивительно хорошо; все более и более нравится» (I, с. 65–66).

Составляя «обзор своему положению в эти 2½ недели со дня моего рождения», Чернышевский в разделе «Литература» пишет: «Гоголь и Лермонтов кажутся недосягаемыми, великими, за которых я готов отдать жизнь и честь. Защитники старого, напр., «Библиотека для чтения» и «Иллюстрация», пошлы и смешны до крайности, глупы до невозможности, тупы непостижимо. Чрезвычайное уважение к людям, как Краевский, который более сделал для России, чем сотня Уваровых и ему подобных, красующихся в летописях отечественного просвещения» (I, с. 66).

Комментарий к этим словам складывается из прочитанных Чернышевским соответствующих статей в перечисленных периодических изданиях. Так, по свидетельству критика того времени, «Гоголь встречен был насмешками» в «Библиотеке для чтения»¹². В том же журнале его редактор О.И. Сенковский (Барон Брамбеус) резко высказался о «Герое нашего времени». По его убеждению, которое оставалось неизменным в течение ряда лет, поэтическое дарование Лермонтова «не подлежит никакому спору, ни сомнению. Это обстоятельство не выгодно для того, кто хочет писать в прозе...»¹³. Роман Лермонтова – «не такое произведение, которым русская словесность могла бы похвалиться»¹⁴. Позднее в своих «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1856) Чернышевский вспомнит «странные вещи» в «Библиотеке для чтения» за 1842 год, приравнявшей малоизвестного писателя В.Р. Зотова к Лермонтову (III, с. 59, 60)¹⁵. «Иллюстрация» совершенно не пользовалась авторитетом сколько-нибудь серьезного журнала. Напротив, «Отечественные записки», редактируемые А.А. Краевским, блистали до 1848 года статьями Белинского, в свое время служили постоянным печатным «пристанищем» для Лермонтова и после смерти поэта помещали его неизданные стихотворения. К тому же Краевский был редактором первого издания стихотворений поэта и романа «Герой нашего времени» (1840), редактировал стихотворный сборник в значительно пополненном виде за счет рукописей, которыми единолично располагал и частично печатал в своем журнале. Вся эта работа «Отечественных записок», заметно содействовавшая умственному развитию молодого поколения, естественно противопоставлялась пропагандируемой тогдашним министром народного просвещения С.С. Уваровым формуле «правосла-

вие, самодержавие и народность» как основному принципу застойной, останавливающей прогресс политики самодержавия в области образования.

«Лермонтовскими» экстраполяциями на личные отношения с окружающими пропитаны многие высказывания молодого Чернышевского. Высоко отзываясь о В.П. Лободовском, влияние которого на него в ту пору было значительным¹⁶, он в беседе с родственником, А.Ф. Раевым, тоже учившимся в Петербурге, «говорил с ним о Лермонтове, о великих людях; я все говорил о В.П., как его знаю, о сердце великих людей, таких, как Лермонтов, о «Герое нашего времени», он слушал и только делал замечания» (I, с. 102). В своих отношениях с Лободовскими Чернышевский однажды пришел в такое волнение, как будто «должен был увидеться с Лермонтовым или Гоголем» (I, с. 112). Стихи Лермонтова он читает сокурснику Н.П. Корелкину (февраль 1849) (I, с. 235). Накануне своего дня рождения (11 июля 1849), когда его убеждения развивались в сторону симпатии к демократам и социалистам, записывает: «Литература <...> поклоняюсь Лермонтову, Гоголю, Жоржу Занду более всего» (I, с. 297), а следующий 1850 год встречает словами: «...Я по голосу Вас. Петр. ставлю Лермонтова выше Пушкина, а Гоголя выше всего на свете, со включением в это все и Шекспира и кого угодно» (I, с. 353). В сознании Чернышевского зарождается историко-литературная концепция, основу которой при оценке литературного произведения определяло убеждение в приоритетном значении содержания.

Имя Лермонтова сопровождало последний университетский год Чернышевского. Перечисляя в дневнике деятелей литературы, «которые занимают меня много», называя Гоголя, Диккенса и Ж. Занд, а из умерших Гёте и Шиллера, рядом с последними он ставит Лермонтова – «эти люди мои друзья, т.е. я им преданный друг» (I, с. 358).

Выпускника университета ждала должность старшего учителя русской словесности в Саратовской гимназии (1851–1853), и здесь, получив возможность влиять на гимназистов, Чернышевский постоянно напоминает им о Лермонтове, включенном в ряд духовных факторов, воздействующих на умы и нравственность юных воспитанников. Гимназические учителя словесности до Чернышевского не жаловали здесь поэта. Так, Ф.П. Волков, неплохо знавший свой предмет, тем не менее ориентировался, как вспоминал один из его учеников В.И. Дурасов, на «отжившую псевдоклассическую школу», «Лермонтова называл просто мальчишкою-забиякою»¹⁷. Заменивший его И.Ф. Синайский, знаток греческого языка, слепо следовал учебнику Кошанского. «Что мне ваши Лермонтовы, Пушкины – болваны, дрянь, – говорил он ученикам. – Вот Софокл, Аристофан, Хемницер, Капнист, – вот это писатели, этих советую читать»¹⁸. По свидетельству одного из учеников, Чернышевский, отложив в сторону ненавистный всем учебник, стал читать сочинения

Жуковского, Лермонтова, Пушкина, «критически разбирать их и, таким образом, открыл своим юным слушателям сокровищницу, из которой они могли бы черпать свое образование и развитие»¹⁹. Один из учеников писал сочинение на предложенную Чернышевским тему «Краткий обзор литературной деятельности М.Ю. Лермонтова»²⁰. Судя по резким отзывам из Казанского учебного округа ученикам, писавшим в Саратове о Пушкине и Кольцове, рекомендовались педагогом статьи Белинского, нигде по цензурным условиям не называемого, но легко подразумеваемого. Ученик, писавший о творчестве Лермонтова, также опирался на соответствующие статьи великого критика. Сведения о приобщении учеников к творчеству Белинского оставил один из первых биографов Чернышевского в Саратове Ф.В. Духовников, в свое время записавший воспоминания гимназистов²¹. «У Николая Гавриловича с юных лет была привычка, сохранившаяся всю жизнь, читать и декламировать стихотворения наших поэтов, особенно “В минуту жизни трудную”», – вспоминал его ученик И.А. Залесский, имея в виду стихотворение Лермонтова «Молитва»²².

В знаменательнейшие для Чернышевского дни, когда продумывались подарки для невесты, которой он посвятил новую тетрадь, озаглавленную «Дневник моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье», есть запись от 8 апреля 1853 года: «6-го... должен был записывать шкатулку... Пусть будет чинаровая. Мне пришло в память: “У Черного моря чинара стоит молодая”, – так роскошна ты, моя милая» (I, с. 561). Прочитано стихотворение Лермонтова «Дубовый листок оторвался от ветки родимой».

Представление о характере преподавания Чернышевским уроков словесности, касающихся сочинений Лермонтова, дает составленный им в пору учительства в Петербургском 2-м кадетском корпусе учебник «Грамматика» (1853–1854), к сожалению, оставшийся незавершенным. Преподавание грамматических форм автор предлагал (и это осуществлялось им самим, конечно, и в Саратовской гимназии) проводить на текстах произведений писателей – Пушкина («Пир Петра Великого»), Лермонтова («Три пальмы») и Гоголя («Вий»). Тесным увязыванием уроков русского языка и собственно словесности автор «Грамматики» добивался более глубокого прочтения художественного текста и на этой основе сознательного усвоения изучаемого грамматического правила. Предлагая ученикам материал для разбора, Чернышевский постоянно напоминал им о содержательной стороне извлеченных из поэтического контекста фраз. Стихотворение Лермонтова, объяснял учитель, «прекрасно не только потому, что очень хорошо написано, но еще больше потому, что смысл его благороден и трогателен». Прекрасные пальмы путниками срублены и сожжены ночью, они погибли, подарив людям тепло и защиту от диких зверей. Но не век

же было расти и цвести им, смерти не избежит никто, «так не лучше ли умереть для пользы людей, нежели бесполезно?» (XVI, с. 324) – подобные выводы приобретали огромное воспитательное значение, и, занимаясь грамматическим анатомированием текста, Чернышевский старался сохранить поэтическую идею во всем богатстве и силе ее нравственного воздействия.

Принципиально отстаиваемая позиция в отношении к новой литературе оказывала влияние и на коллег Чернышевского по гимназии. «Учитель греческого языка, – вспоминал современник, имея в виду И.Ф. Синайского, – перестал бранить Лермонтова и Пушкина»²³.

Последующая, связанная с Петербургом литературная деятельность Чернышевского, закрепила лермонтовскую тему и в ее прежнем звучании, и в развитии. Ссылки на Лермонтова сопровождали многие работы Чернышевского, посвященные ли они эстетике или теории литературы, истории критики или литературной критике. Творчество этого писателя служило опорой для сквозного в суждениях Чернышевского о литературе тезиса о ее общественном служении. Вписывая Лермонтова в эпоху Пушкина и Белинского, критик вслед за Белинским отмечал наиболее важные тенденции развития – сближение литературы и современной науки, стремление искусства, литературы в частности, к художественному изображению конкретной действительности со всеми ее социальными противоречиями.

Высказываясь за необходимость специально-го изучения процесса «проникновения литературы глубоким содержанием», Чернышевский полагал, что оно в русской литературе началось «именно с поэзии» – называются Грибоедов, Веневитинов (II, с. 780), Кольцов, Лермонтов (III, с. 7). Кольцов отнесен к представителям «новой русской литературы» и назван поэтом, который мог бы развиваться в действительно гениального человека и в этом смысле стать рядом с Гоголем и Белинским. «Мы, – писал автор «Очерков гоголевского периода русской литературы», – не слишком щедры в употреблении этого эпитета: гениальных людей очень мало» (III, с. 138). Особенно отмечается при этом принадлежность Кольцова к дружескому кругу Н.В. Станкевича, увлекшего Белинского идеями Гегеля (III, с. 179, 197). Интерес к философии и приобщение к передовым идеям времени служили залогом духовного развития, в глазах Чернышевского имевшего чрезвычайную важность.

Как и Кольцов, Лермонтов «самостоятельными симпатиями своими принадлежал новому поколению». Если бы не отъезд на Кавказ, полагал Чернышевский, поэт непременно оказался бы в кружке Белинского и его друзей (III, с. 223), развиваясь необыкновенно быстро. «Сравните стихотворения, написанные Лермонтовым в 1836–1837 годах, с его стихотворениями, принадлежащими 1840–1841 годам, и вы увидите в последних огромное превосходство над первыми и по глуби-

не содержания, и по совершенству формы». В этом отношении даже у Пушкина не найти периодов столь стремительного творческого роста, и если Пушкин как поэт, считал Чернышевский, вполне исполнил свое предназначение в литературе, то Лермонтов «действительно отнял смертью у русской литературы, далеко не достигнув полного развития своих сил», он «в будущем обещал несравненно более того, что успел сделать» (II, с. 502), хотя и сделанного оказывается достаточно для вывода об особой роли Лермонтова в истории русской литературы.

Чернышевский оценивал Лермонтова так, как оценивал бы его поздний Белинский, позиция которого в 1840–1841 годах, когда были написаны статьи о Лермонтове, существенно разнилась с его эстетическими установками второй половины 1840-х годов²⁴. В этом смысле суждения Чернышевского дополняют и корректируют прежние высказывания Белинского.

Лермонтов отнесен к художникам, стремящимся постичь и выразить, по подцензурной фразеологии Чернышевского, «живые идеи времени». Он был «мыслитель глубокий для своего времени, мыслитель серьезный» (II, с. 211). «Живыми идеями» эпохи обусловлено то качество лермонтовской поэзии, которое Чернышевский емко и точно обозначил как «энергию лиризма» («по энергии лиризма с Кольцовым из наших поэтов равняется только Лермонтов» – (III, с. 515). Созданный автором «Героя нашего времени» тип современного той эпохе человека, вставшего в один ряд с «лишними людьми» Онегиным и Бельтовым, обнаруживает глубокое проникновение в причины появления подобных «героев». Лермонтов «понимает и представляет своего Печорина как пример того, какими становятся лучшие, сильнейшие, благороднейшие люди под влиянием общественной обстановки их круга» (II, с. 211). Печорин во многом несет в себе черты самого Лермонтова (II, с. 66; XIV, с. 482), но вместе с тем создаваемые художником образы глубоко типичны. В частности, показательно с этой точки зрения и «превосходное лицо Грушницкого». Трактовка критиком этого образа отличается глубокой оригинальностью. Он указывает на Грушницкого как на пример «человека, у которого очень развиты мнимые, фантастические стремления, на самом деле совершенно ему чуждые». Авторское разоблачение Грушницкого в «Герое нашего времени» свидетельствует, по Чернышевскому, о великолепном понимании художником-мыслителем подлинных причин появления у человека фальшивых, праздных, мнимых стремлений, несущих в конечном счете ему гибель. Опираясь в своих теоретических обобщениях на яркий образец лермонтовского творчества, Чернышевский пишет: «Вообще, у человека при фальшивой обстановке бывает много фальшивых желаний. Прежде не обращали внимания на это важное обстоятельство, и как скоро замечали, что человек имеет склонность мечтать о чем бы то ни

было, тотчас же провозглашали всякую прихоть болезненного или праздного воображения коренною и неотъемлемою потребностью человеческой природы, необходимо требующей себе удовлетворения. И каких неотъемлемых потребностей не находили в человеке! Все желания и стремления человека объявлены были безграничными, ненасытными». «Прежде» – это в романтической литературе, здесь оцениваемой Чернышевским с мировоззренческих позиций и с этих позиций подлежащей критике. «Теперь, – продолжает он, – это делается с большею осмотрительностью. Теперь рассматривают, при каких обстоятельствах развиваются известные желания, при каких обстоятельствах они затихают» (II, с. 96). «Теперь» означает в литературе нового периода, когда научное освоение мира может стать достоянием художников слова. Лермонтов, по глубокому убеждению Чернышевского, вышел именно на этот путь восприятия передового мировоззрения, потому он «мыслитель серьезный», принадлежащий «новой эпохе» (II, с. 516). Однако понимание принадлежности Грушницкого к определенному времени не мешает Чернышевскому увидеть общечеловеческие черты образа, и в этом видится оригинальность наблюдений критика. «В каждом человеке есть частица Грушницкого», – замечает он и тут же поясняет, что «потребности человека», в сущности, очень умеренные, «достигают фантастически громадного развития только вследствие крайности, только при болезненном раздражении человека неблагоприятными обстоятельствами, при совершенном отсутствии сколько-нибудь порядочного удовлетворения» (II, с. 96).

Роман «Герой нашего времени» признан замечательным образцом русской прозы – отмечались «наблюдательность, тонкость психологического анализа, поэзия в картинах природы, простота и изящество» (III, с. 421), «краткость и быстрота рассказа» (II, с. 68), сжатость – «прочитайте три, четыре страницы “Героя нашего времени”, “Капитанской дочки”, “Дубровского” – сколько написано на этих страничках! – и место действия, и действующие лица, и несколько начальных сцен, и даже завязка – все поместилось в этой тесной рамке» (II, с. 466–467) – качества, роднящие Лермонтова с Пушкиным и Гоголем. По логике историко-литературной концепции Чернышевского, или, по его выражению, «закона исторической перспективы», Лермонтов олицетворял переходный период от эпохи Пушкина к эпохе Гоголя, – «новой русской литературе» (III, с. 138), осваивающей «содержание».

Лишенный после ареста в июле 1862 года возможности журнальной работы, Чернышевский занялся беллетристикой, которая была разрешена узникам Петропавловской крепости²⁵. За два года заключения им написаны «Автобиография», романы «Что делать?», «Повести в повести», «Алферьев», и во всех этих произведениях по разному поводу приводятся стихот-

ворения Лермонтова²⁶. Известна обращенная к брату А.Н. Пыпину записка, датированная маем 1864 года, из которой следует, что у Чернышевского в крепости находились стихотворения Кольцова, Некрасова, Тютчева, Фета, а также Лермонтова (XIV, с. 489). Это было второе издание сочинений Лермонтова, подготовленное в 1863 году С.С. Дудышкиным²⁷.

Перечитывая Лермонтова, Чернышевский в 1863 г. составил для себя список стихотворений, разделив их на три группы с точки зрения знания их наизусть²⁸.

Первая группа озаглавлена «Знаю». Сюда вошли «Ангел», «Русалка», «Ветка Палестины», «Еврейская мелодия», «В альбом» («Как одинокая гробница...»), «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», «Узник», «Молитва» («Я, мать Божия, ныне с молитвою...»), «Расстались мы, но твой портрет...», «Дума», «Молитва» («В минуту жизни трудную...»), «Три пальмы», «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал...»), «Не верь себе», «Казачья колыбельная песня», «Журналист, читатель и писатель», «Воздушный корабль», «И скучно, и грустно», «Отчего», «Благодарность», «Из Гёте» («Горные вершины...»), «Тучи», «На севере диком стоит одиноко...», «М.А. Щербатовой» («На светские цепи...»), «Любовь мертвеца», «К портрету» («Как мальчик кудрявый, реза...»), «Из альбома С.Н. Карамзиной» («Любил и я в былые годы...»), «Есть речи – значенье темно иль ничтожно», «Завещание» («Наедине с тобою, брат...»), «Оправдание» («Когда одни воспоминанья...»), «Последнее новоселье», «Парус», «Договор», «Не плачь, не плачь, мое дитя», «Спеша на север из далека», «Беглец» (песня «Месяц плывет и тих и спокоен»), «Сон», «Выхожу один я на дорогу», «Пророк», «Спор», «Они любили друг друга так долго и нежно», часть 20-й строфы «Мцыри», где говорится об отчаянии заточенного в неволе героя, 16 строк «Демона» (вероятно, «На воздушном океане», поскольку стихи встречаются в сохранившихся фрагментах сибирского романа Чернышевского «Отблески сияния»).

Вторая группа – «Не знаю, но стоило бы знать»: «Сосед», «Ребенку», «Родина», «Пленный рыцарь», «Желанье» («Отворите мне темницу»), «Соседка», «Я не хочу, чтоб свет узнал», «Гляжу на будущность с боязнью», «Не смейся над моей пророческой тоскою», «Тамара», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой», «Свиданье».

Третья – «И не стоит знать»: «Демон», «Умирающий гладиатор», «Смерть поэта», «Бородино», «Когда волнуется желтеющая нива», «Дары Терекка», «Памяти А.И. Одоевского», «Мцыри», «Как часто пестрою толпою окружен» («Первое января»), «А.О. Смирновой» («Без вас хочу сказать вам много»), «М.П. Соломирской» («Над бездной адскою блуждая»), «И.П. Мятлеву», «Графине Ростопчиной» («Я верю, под одной звездой»), «Слышу ли голос твой», «Кинжал» («Люблю

тебя, булатный мой кинжал»), «Ты помнишь ли, как мы с тобою», «Из-под таинственной холодной полумаски», «Это случилось в последние годы могучего Рима», «Вид гор из степей Козлова», «Беглец», «А.Г. Хомутовой» («Слепец, страданием вдохновенный»), «На буйном пиршестве задумчив он сидел» («Казот»), «Валерик», «Сказка для детей», «Утес», «Морская царевна», «Нет, не тебя так пылко я люблю», «Тебя, Кавказ, суровый царь земли» (посвящение поэмы «Демон»).

Как видим, подавляющее большинство стихотворений Чернышевский знал или хотел знать наизусть. Сочинения 3-й группы вызвали у него определенное неприятие. Он не оставил каких-либо объяснений на этот счет, но необходимо все же попытаться хотя бы предположительно установить причины возможного негативного отношения к содержанию указанных произведений Лермонтова.

Значительная часть этой группы – сочинения, не печатавшиеся при жизни автора. Для Чернышевского Лермонтов – пример высокой авторской взыскательности. «Из наших русских очень умных писателей, – читаем у него, – образец превосходной строгости к самому себе был Лермонтов: ничего, кроме действительно прекрасного, он не брал из своих черновых бумаг для отдачи в печать...» (XV, с. 239). В число произведений, которые могли быть отклонены Чернышевским по обозначенному нами признаку, независимо от их содержания и художественной ценности, входят следующие (в скобках дата первой публикации): «Валерик» (1843), «Утес» (1843), «Морская царевна» (1843), «Из-под таинственной холодной полумаски» (1843), «А.Г. Хомутовой» («Слепец, страданием вдохновенный») (1844), «Слышу ли голос твой» (1845), «Это случилось в последние годы могучего Рима» (1845), «Вид гор из степей Козлова» (1846), поэма «Беглец» (1846), «На буйном пиршестве задумчив он сидел» («Казот») (1854), поэма «Демон» и ее кавказское посвящение (1853, 1856). «Сказка для детей», частью опубликованная в 1840 году, оставалась поэмой незавершенной.

Известно скептическое отношение критиков-демократов к так называемым альбомным стихам, своим происхождением обязанным обычаям аристократического общества. Так, иронизируя по поводу «салонного содержания» стихотворений графини Е.П. Ростопчиной, много писавшей о прелестях светских балов, Чернышевский в рецензии на ее сборник 1856 года упомянул приверженность Жуковского, Пушкина, Фета и Лермонтова к такого рода сочинениям, процитировав стихотворное посвящение «Графине Ростопчиной» (III, с. 455, 456, 466). Понятно, что это лермонтовское стихотворение оказалось в списке его сочинений, которые «и не стоило бы знать». Сюда же Чернышевским, полагаем, по тем же мотивам, присоединены альбомные вписания «А.О. Смирновой» («Без вас хочу сказать вам мно-

го»), «М.П. Соломирской» («Над бездной адскою блуждая»), «И.П. Мятлеву», «Как часто пестрою толпою окружен» («Первое января»).

Подчеркивая «стремительный творческий рост» Лермонтова сравнением его стихов 1836–1837 и 1840–1841 годов – «огромное превосходство <...> по глубине содержания и совершенству формы» (II, с. 502), – Чернышевский мог исключить из списка обязательных для знания наизусть стихотворения, пронизанные ранним романтическим мироощущением, – «Ты помнишь ли, как мы с тобою» (1830), «Умирающий гладиатор» (1836), «Мцыри» (1837–1838), «Дары Терека» (1839). На решение Чернышевского, перечитывающего Лермонтова в 1863 году, в условиях тюремного заключения, когда приходилось смело и мужественно противостоять властям и еще не оставляла надежда на освобождение, могло повлиять и содержание иных стихотворений 3-й группы. Например, сраженный гладиатор лежит на арене «безмолвно», «И молит жалости напрасно мутный взор»²⁹, Мцыри так и не удалось найти путь в страну, «где люди вольны, как орлы»³⁰. Стихотворение «Дары Терека», в свое время восхитившее Белинского³¹, рисующее картину любви старца к мертвой красавице, могло звучать диссонансом настроению писателя, живущего уверенностью в скорой встрече с любимой, которой он посвятил свой роман «Что делать?». В этой связи понятно отношение к стихотворению «Нет, не тебя так пылко я люблю». В то же время трудно объяснить негативную реакцию на стихотворение «Кинжал» (1838), романтическая символика которого, передающая душевную твердость и стойкость, вполне соответствовала состоянию духа узника Петропавловской крепости и всем художественно-смысловым строем была неразрывно связана с написанным в том же 1838 году и включенным Чернышевским в 1-ю группу стихотворением «Поэт».

Особого комментария требует отношение Чернышевского к стихотворениям «Смерть поэта» (1837), «Бородино» (1837), «Когда волнуется желтеющая нива» (1837), «Памяти А.И. Одоевского» (1839). Первые три относятся к самым ранним сочинениям поэта, которые могли не отвечать требованиям Чернышевского с точки зрения «глубины содержания» (II, с. 502), т.е. отражения существенных общественных проблем. В стихотворении «Смерть поэта» Чернышевскому, возможно, казалась незрелой мысль об уповании на Божий суд как единственную силу, способную наказать виновников гибели Пушкина³². В «Памяти А.И. Одоевского» наверняка вызывало несогласие утверждение, будто «дела» декабриста, «и мнения, и думы – все исчезло без следов»³³. Вспомним, что первая страница рукописи романа «Что делать?» датирована 14 декабря 1863 года. Отношение к стихотворению «Когда волнуется желтеющая нива» со всей очевидностью вырисовывается из контекста рассуждений Черны-

шевского в его статье «Критический взгляд на современные эстетические понятия» (1854), где это стихотворение упомянуто. Рассматривая прекрасное в природе с разных точек зрения, автор корректирует распространенное в эстетике представление, будто «прекрасным предмет является нам только тогда, когда мы рассматриваем его как самостоятельный предмет, в независимости от нашей собственной пользы от него». «Это не всегда, – замечает Чернышевский, – особенно эстетическое наслаждение неодушевленной природою очень часто сопровождается темною мыслью о том, какую пользу или какое наслаждение доставляет она человеку. Так, напр., мы не можем оторваться от подобной мысли, когда любуемся “желтеющею нивой”, как называет ее Лермонтов <...> я не могу не думать: “слава Богу, чудный будет урожай; чудно поправятся мужички от нынешней жатвы! Боже мой, сколько человеческого счастья, сколько радости людям зреет на этом поле”. <...> Мы очень хорошо понимаем, что эстетическое наслаждение и радостное чувство владельца – совершенно различные ощущения, но не всегда одно мешает другому» (II, с. 154–155). Иными словами, автор статьи не отвергает эстетического наслаждения, возникающего при чтении лермонтовского стихотворения. Но, по логике Чернышевского, это наслаждение абстрактно по своей природе, оно не считается с тем, что «желтеющая нива» – крестьянское, а точнее, помещичье поле, и уже от помещика, владельца, а не от Бога зависит, поправятся ли мужички от богатой жатвы. Концовка стихотворения – «И счастье я могу постигнуть на земле // И в небесах я вижу Бога»³⁴ – как бы переосмыслена Чернышевским в нужном для его рассуждений направлении. Критик побуждает читателя своей статьи, делая это, однако, достаточно прямолинейно, задуматься о насущных, реальных проблемах общественной жизни, которыми молодой поэт пока не озабочен.

Присутствие в 3-й группе «Бородино» связано, полагаем, с столкновением Чернышевским результатов войны 1812 года. Он неоднократно писал, что «... война 1812 года была спасительна для русского народа», что «главнейшими причинами» победы стали «твердая решимость императора Александра Благословенного, патриотизм народа, мужество наших армий и искусство полководцев» и «... русский царь, русский народ и русские войска, а не исключительно только мороз и голод, победили французов в 1812 году» (III, с. 208, 490, 491), что в эту «эпоху одушевления» народа, ведомого «мудрыми руководителями», «Россия возвысилась до такого грозного могущества, о котором никто не мог и мечтать прежде» (VII, с. 882, 883). Всем ходом своих рассуждений о народном энтузиазме Чернышевский в цитируемой статье «Не начало ли перемены?» (1862) (VII, с. 875–883), прибегая к подцензурному «эзопову языку», давал понять читателю о питающей это народное одушевление надежде на освобождение

от крепостного права. Писателю, разумеется, было хорошо известно содержание царского манифеста от 11 сентября 1814 года, по которому все сословия были одарены, а крестьянству отводилась издевательская, по выражению исследователя, одна строка: «Крестьяне, верный наш народ, да получат мзду от Бога»³⁵. Главного героя войны вернули в кабалу к помещикам. Можно думать, стихотворная строка «Бородино» «Плохая им досталась доля» подразумевала в сознании Чернышевского-публициста иное, чем в лермонтовской строке «Немногие вернулись с поля», значение – обличительное, социально заостренное.

Эстетическая оценка не оказывалась значимой для Чернышевского в момент составления для себя 3-й, «отрицательной» группы сочинений Лермонтова. Необходимым критерием выступали либо личные биографические связи с переживаемыми в данное время событиями, либо требования социального содержания в тех произведениях, в которых поэт, по представлениям критика, обнаруживал слабость своего идейного развития.

В первый, самый драматический для Чернышевского год после перевода его на поселение в Вилуйск, в якутскую холодную даль, когда стало ясно, что власти решили сгноить писателя в сибирской безвестности, он, отчаявшись хоть как-то заявить о себе, сказал жандармскому полковнику Купенкову, приехавшему зимой 1873 года сделать у него обыск: «Согласитесь, что вы никогда не забудете фамилии Пушкина, Гоголя, Лермонтова, так современная молодежь будет помнить мою фамилию, хотя я этого не ищущу»³⁶.

Имя Лермонтова не теряло значимости для Чернышевского на протяжении всей жизни автора «Очерков гоголевского периода русской литературы». И если ему на склоне лет, уже после возвращения из Сибири, приходилось оценивать кого-либо из казавшихся ему очень одаренными писателей-современников, то неизменно в качестве образца для сравнения назывался Лермонтов. Так, за год до смерти он в письме к издателю журнала «Русская мысль» горячо рекомендовал писательницу Марко Вовчок (М.А. Маркóвич) как «даровитейшего из русских рассказчиков после Лермонтова и Гоголя» (XV, с. 807, 808). Этим сравнением Чернышевский старался привлечь внимание к писательнице, и дело вовсе не в преувеличении, а в том, что творчество Лермонтова всегда оставалось для него высочайшим достижением русского художественного гения.

Примечания

- 1 Карякина А.В. Чернышевский и Лермонтов // Учен. зап. Башкир. ун-та. Серия филол. наук. Уфа, 1975. Вып. 26. № 80. С. 151–165.
- 2 Перлер М. Чернышевский над страницами Лермонтова и Некрасова (Записи перед ссылкой. Непубликованные материалы) // Русская литература. 1960. № 2. С. 129–146.

- ³ Николаев М.П. М.Ю. Лермонтов и Н.Г. Чернышевский // М.Ю. Лермонтов. Мат. и сообщ. VI Всесоюз. лермонтов. конф. Ставрополь, 1965. С. 165–173.
- ⁴ Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 613–614.
- ⁵ Здесь и далее в тексте даются ссылки на том и страницы издания: *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939–1953.
- ⁶ Стихотворения М. Лермонтова. СПб., 1840.
- ⁷ Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников / Сост. Е.И. Покусаев и А.А. Демченко. М., 1982. С. 104.
- ⁸ Пятидесятилетие научно-литературной деятельности А.Н. Пыпина // Литературный вестник. 1903. Кн. 3. С. 340.
- ⁹ Лободовский В.П. Бытовые очерки // Русская старина. 1904. Январь. С. 161.
- ¹⁰ Лермонтов М.Ю. Избр. соч.: В 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 435.
- ¹¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., Т. 4. С. 264.
- ¹² Дружинин А.В. Собр. соч.: В 7 т. СПб., 1865. Т. 6. С. 39.
- ¹³ Библиотека для чтения. 1840. Т. 6. С. 17.
- ¹⁴ Библиотека для чтения. 1844. Т. 13. С. 11–12.
- ¹⁵ Библиотека для чтения. 1842. Т. 54. С. 36.
- ¹⁶ См.: Медведев А.П. Н.Г. Чернышевский и В.П. Лободовский // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1961. Вып. 2. С. 3–34.
- ¹⁷ Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников М., 1982. С. 56. См. также: Чернов С.Н. Н.Г. Чернышевский – учитель Саратовской гимназии // Н.Г. Чернышевский. Сборник. Неизд. тексты, статьи, мат., воспоминания. Саратов, 1926. С. 170–196; Павловский Е.Т. Н.Г. Чернышевский – учитель словесности // Учен. зап. Саратов. пед. ин-та. 1940. Вып. 5. С. 174–191; Демченко А.А. Учитель гимназии // Н.Г. Чернышевский. Научная биография: В 4 т. Саратов, 1978–1994. Т. 1. С. 220–233.
- ¹⁸ Воронов М.А. Болото. Картины петербургской, московской и провинциальной жизни. СПб., 1870. С. 119.
- ¹⁹ Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников М., 1982. С. 60.
- ²⁰ Бушканец Е.Г. Новые материалы о педагогической деятельности Н.Г. Чернышевского в Саратовской гимназии // Новая Волга. 1954. Кн. 21. С. 143–144.
- ²¹ Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников М., 1982. С. 480.
- ²² Там же. С. 81.
- ²³ Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: В 2 т. / Общ. ред. Ю.Г. Оксмана. Саратов, 1958–1959. Т. 1. С. 148.
- ²⁴ См.: Егоров Б.Ф. Литературно-критическая деятельность В.Г. Белинского. М., 1982.
- ²⁵ См.: Алексеев Н.А. Процесс Н.Г. Чернышевского / Под ред. А.М. Панкратовой. Саратов, 1939; Дело Чернышевского: Сб. документов // Сост., вступ. статья и примеч. И.В. Пороха / Общ. ред. Н.М. Чернышевской. Саратов, 1968; Щеголев П.Е. Страсть писателя // Алексеевский равелин. М., 1929.
- ²⁶ См.: Дотцауэр М. Лермонтов в оценке Чернышевского и его современников // Учен. зап. Саратов. пед. ин-та. 1940. Вып. 5. С. 85–106; Скафтымов А.П. Художественные произведения Чернышевского, написанные в Петропавловской крепости // Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 250–302; Рейсер С.А. Некоторые проблемы изучения романа «Что делать?» // Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., 1975. С. 782–833. Примечания. С. 836–861.
- ²⁷ Сочинения Лермонтова, приведенные в порядок и дополненные Дудышкиным. 2-е изд. СПб., 1863.
- ²⁸ См.: Пернер М. Указ. соч.
- ²⁹ Лермонтов М.Ю. Избр. соч. Т. 1. С. 165.
- ³⁰ Там же. С. 455.
- ³¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 441.
- ³² Лермонтов М.Ю. Избр. соч. Т. 1. С. 171.
- ³³ Там же. С. 210.
- ³⁴ Там же. С. 180.
- ³⁵ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 309.
- ³⁶ Чернышевский М.Н. Чернышевский в Виллойске // Былое. 1924. № 25. С. 49.

УДК 821.161.1.09

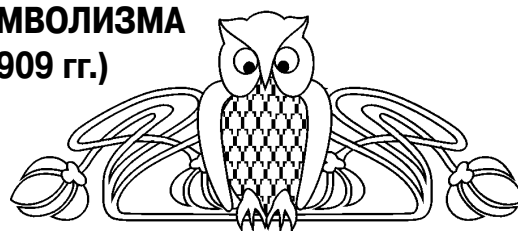
ГЕРМАНИЯ В СОЗВЕЗДИИ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА (по страницам журнала «Весы» 1904 – 1909 гг.)

А.И. Ванюков

Саратовский государственный университет,
кафедра новейшей русской литературы
E-mail: philol@info.sgu.ru

В статье раскрывается содержательная картина восприятия образа Германии, немецкой культуры и литературы на страницах журнала «Весы» 1904–1909 гг., который был настоящей «академией русского символизма».

Ключевые слова: Гёте, Кант, Бетховен, Вагнер, Байрёйт, немецкий театр, Ницше, Гофмансталь, Р.-М. Рильке, С. Цвейг, Ведекинд, культура перевода.

Germany in the Constellation of Russian Symbolism (after the Journal «Vesy» 1904–1909)

A.I. Vaniukov

The article reveals a detailed picture of the image perception of Germany, German culture and literature represented in the journal «Vesy»